

ВИКТОР
ПОПОВ

НЕТ

Виктор Попов

Нет

«Издательские решения»

Попов В.

Нет / В. Попов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745350-3

«Владимир Семенович Будаikin, прапорщик внутренних войск в отставке, а ныне действующий сотрудник ЧОПа, проснулся однажды утром с устойчивым осознанием того, что П. нет...» «Мой постоянный гость по прозвищу Тихий умер на день народного единства, утром, во сне, подобно звезде рок-н-ролла, захлебнувшись собственной рвотой...» «Моя мама продала меня своей сестре за десять тысяч. Она так и сказала:— Купи...» «В эту ночь, уходя на работу, пекарь Боголепов взял с собой свою комнату...»

ISBN 978-5-44-745350-3

© Попов В.

© Издательские решения

Содержание

Нет	6
Постоянник	18
Колыбельная	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нет

Виктор Попов

Пальцу

Редактор Ира Вильман

Дизайнер обложки Валентина Михайлова

© Виктор Попов, 2018

© Валентина Михайлова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-5350-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нет

Владимир Семенович Будаikin, прапорщик внутренних войск в отставке, а ныне действующий сотрудник ЧОПа, проснулся однажды утром с устойчивым осознанием того, что П. нет. Мысль эта, пока Владимир Семенович по привычке рассматривал трещины на потолке жилого вагончика и слушал привычный лай кобеля Вени, укреплялась в нем все более, не имея, впрочем, на тот момент никаких доказательств. При этом поначалу она не вызывала в нем никакого беспокойства, приступа паники и даже – с некоторых пор обычного для утра – нервного покалывания в левой подмышке. Нет. Мысль эта была данностью, объективностью, в каком-то смысле даже успокаивающей и благотворной. Владимир Семенович словно водочки выпил. И закусил. Не плотно. А так. Сколько нужно. И выпил, и закусил.

Повернувшись на левый бок, Владимир Семенович обнаружил, что П. нет и в этом положении. Не оказалось его и на правом боку, и на животе. Отчаявшись найти П. в положении лежа, Будаikin сел, сразу попав глазами в мутное оконце, прищурился, уловил знакомые очертания двора, не убираемую полгода кучу песка и фигуру напарника на шлабгауме, и совсем уже было успокоился, но дрянная мысль об отсутствии того, кого не быть ну никак не может, опять влезла в голову – и Владимир Семенович решил встать. В этом положении, подумал он, П. наверняка появится, не может не появиться. Но его ждало разочарование – стоя ничего не изменилось: П. не было. Хоть ты тресни. Совсем не было. Но странно, беспокойство вызывала сама мысль, тогда как общее физическое состояние было, на удивление, великолепным. Владимир Семенович словно с десятков лет скинул: ничего нигде не кололо и не зудело, и даже косточки не хрустнуло, когда он садился и вставал. Но мысль, мысль перебивала всё, и эти, так сказать, физиологические радости, которые в другой раз стали бы основой удачного дня, сегодня отошли на второй план. Владимир Семенович со свойственной ему логичностью, не раз и не два отмеченной начальством, понял, что П. надо найти во что бы то ни стало, иначе день этот, как, впрочем, и последующие, исчезнет, зависнет, не состоится, и он, всегдашний первый номер смены, будет главный тому виновник.

Осознанная необходимость спасения мира заставила Будаикина двигаться. Он, не надевая ботинок, в одних носках сделал несколько шагов вперед-назад по узкому, ограниченному койками пространству. Всё напрасно. П. не было на ходу так же, как и в положении лежа. Вслед за этим возникла и окрепла еще одна мысль, еще более страшная, чем первая: П. вообще никогда не было. Он даже, как бы правильно сказать, и не предполагался. И что в этом смысле он никуда и не исчезал. Этого умозаключения Владимир Семенович спокойно пережить не мог и спешно умылся у древнего, как и сам вагончик, рукомойника, но вода, охладив и очистив лицо, не изменила хода мыслей, который, представляя теперь уже соединение настоящего и прошлого (нет и не было), завладел, помимо головы, и сердцем, тесня дыхание, вызывая сладкую, прямо-таки похмельную тошноту, такую настойчивую, что Будаikin поспешил открыть дверь и глотнуть октябрьского, уже с морозными иголками воздуха. Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, что помогло избавиться от тошноты, но не от мысли. П. нет и не было, и неважно – тошнило ли Будаикина от этого или нет.

Владимир Семенович прикрыл дверь, постоял около нее, держась за ручку, и присел к столу. С минуту он вертел нож в руке, пытаясь сосредоточиться на точных движениях пальцев, но и нож ничего существенно не поменял, и его пришлось оставить в покое. Тем более что наличие его в руке сегодня отчего-то пугало. Будаikin вытер вспотевшие ладони о клеенку и постучал пальцами по столу. Но стук этот, быть может, своей монотонностью, только усилил беспокойство, и Будаikin поспешил сжать пальцы в кулак. Так он просидел за столом минуту, соображая, в каком часу начинается его смена. Вышло, что у него еще есть час. Совсем немного для того, чтобы удостовериться в ошибочности мучивших его утверждений, а выхо-

дить на смену в их сопровождении было совершенно невозможно. Между тем сменщик отсутствовал, и «чоповцы» уже третьи сутки работали втроем, тогда как объект требовал, по меньшей мере, пятерых. Все это само по себе осложняло работу донельзя, а тут еще эти мысли. Владимиру Семеновичу было отчего впасть в ступор. Тупик. Выхода нет. Приехали. Такие словечки застучали у него в голове попеременно с «нет и не было», усиливая и без того разрушительное воздействие последних.

Прикинув – часы висели над столом – Будаikin решил доспать положенный ему час. В конце концов, есть П. или нет, сна никто еще не отменял. Будаikin лег лицом в подушку и сразу понял, что этот час ровным счетом ничего не изменит. П. не появится ни в этот час, ни после. Никогда. От этого безысходного «никогда» ему стало еще более не по себе. Будаikin тихо завыл. Но вместо требуемого тоскливого волчьего крика вышло какое-то детское – из серии, «мам, ну, купи мороженое» – нытье, дополненное терпким и удушающим запахом давно нестиранной наволочки.

Будаikin замолчал, но тут же был вынужден издать звуки вновь – мысли, так безапелляционно разорвавшие его жизнь на до и после, не отпускали и сразу вернулись. Правда, теперь вышло нечто иное, что-то совсем уж жалобное, не плач, а будто причитание, перешедшее к исходу получаса в прямо-таки голодное коровье мычание, поглощаемое, впрочем, без остатка подушкой – так глубоко вжался в нее Владимир Семенович. Он продолжил беззвучно для окружающих мычать и в последующие полчаса, дополняя протяжные звуки бормотанием и причмокиванием, которых с течением времени становилось все больше, пока к исходу часа они не вытеснили мычание окончательно.

Всегда тонко чувствовавший время, Владимир Семенович не ошибся ни на минуту и повернулся на спину, как раз когда секундная стрелка по истечении часа начала задирать нос, и оставшиеся полминуты Будаikin молча наблюдал за ее неуклонным взрослением, забыв на время, что П. нет. Но как только стрелка пересекла границу и упала в новый час, П. опять не стало, и Будаikin вдруг неудержимо и во всю глотку закричал. Но крика его никто не услышал. Возможно, повторись он еще раз, напарник у шлагбаума и смог бы что-то там расслышать, а так вопль потонул в монотонном шуме грузовиков и погрузчиков, который накрывал базу с утра до вечера и смолкал лишь ночью, да и то относительно: как раз в это время – вне графика, как попало – прибывали дальнобойщики. Теперь же Владимир Семенович остался со своим криком наедине. Повторить его Будаikin не посмел, столь жутким он ему показался. Про себя он решил: пускай себе П. нет, чем услышать еще раз такое...

Шел десятый час. Будаikin пристально и, не делая попыток подняться, смотрел в потолок. Крик сказал ему – точно и бесповоротно – П. нет и не было. Трещины на потолке пустынной паутиной заполняли глаза Владимира Семеновича, и он не понимал, как ему теперь дальше жить...

Напарника звали Сережа. Так его называл при личной встрече сам Будаikin. При начальстве он, правда, употреблял фамилию – Волохов. Но это только при начальстве, для порядка, не более. Сережа только-только отслужил срочную и еще не успел остыть от «так точно» и «разрешите идти». Это напрягало окружающих, но радовало Владимира Семеновича, ибо его военное прошлое находило в Сереже какой-никакой выход и удовлетворение. Думая теперь о Сереже, Будаikin с сожалением признал, что его авторитет как первого номера смены подвергается в эти минуты серьезному испытанию, поскольку Семеныч – именно так все его звали за глаза в конторе – никогда не опаздывал и жил по однажды усвоенному им от комбата японскому правилу: опоздать – значит прийти менее чем за десять минут до назначенного срока. Правило уже нарушено. И более того, Семеныч опаздывал, реально опаздывал, что уж совсем не вязалось с ним, и Будаikin мог только догадываться, какие объяснения придумывал в данный момент этому факту его молодой коллега.

От таких размышлений Владимиру Семеновичу ой как поплохело, но встать и пойти сменить Сережу он не мог – как можно менять напарника на посту, когда П. нет? Такой вопрос забором стоял перед Будайкиным, заслоняя от него все прочие неурядицы и нестыковки в его обычном поведении, которые уже почти наверняка стали заметны, но только что он мог с этим поделаться? Покинуть пост Сережа – тем более у шлагбаума – до прихода сменщика не мог. Оставалась еще рация, но она была на общем доступе. Воспользоваться ей – это превратить опоздание Семеныча в достояние общественности, единственным представителем которой на данный момент был третий номер смены, новичок, с которым отношения у Сережи сразу не сложились. Были опасения, высказанные однажды самим Будайкиным, что «третий», так сказать, стукачок, поэтому выдать в эфир неявку Семеныча на смену Сережа сразу не решился, но по прошествии получаса от контрольного срока Будакин сквозь полудрему услышал над головой – рация лежала на полке над кроватью – знакомый скрип и пощелкивание, а затем и явно взволнованный Сережин голос:

– Первый, ответьте. Как слышите? 10.30. Полчаса смены. Прием.

Формулировки, выбранные Сережей, были самые нейтральные, ничего третьему уху не говорящие. Взяв рацию, Владимир Семенович долго не мог решить, что сказать в ответ. То, что в итоге вырвалось в эфир, явно не планировалось Будайкиным. Оно вылетело из него, зависнув будоражащим тезисом в голове напарника:

– П. нет, Сережа. Как слышишь меня, прием.

Сережа относительно быстро переварил услышанное. Он уже успел хорошо узнать Семеныча и чувство юмора у него не отмечал. Поэтому вполне серьезно уточнил:

– Что случилось? Он умер?

На что и получил ответ, заставивший на этот раз замолчать надолго:

– Нет, Сережа, что ты! Этого не может быть. Его вообще никогда не было.

Мысли эти, выданные в эфир, озаботили не только Сережу, но и «третьего», который был удивлен не менее, если даже не более Сережи. Но «третий» знал Будакина всего-то неделю и не придавал услышанному серьезного значения, подумав: прикалывается, мол, старый, чего там. Сам же Владимир Семенович вдруг понял: то, что еще недавно было частью только его самого, теперь стало всеобщим. И более того, контролировать себя он никак не может. Он контролировал себя и свою речь только до мысли о П., которая существовала как бы сама по себе, превращаясь из мысли в слово без ведома Будакина. Она – эта мысль об отсутствии того, кто вроде бы реально есть, – была как бы вне его пространства и времени, везде и всюду, она была всем, а он был лишь ее проводником, средством, у которого не спрашивали разрешения на использование, но ставили перед фактом, которому можно было только подчиниться и все.

Ничего не изменила и третья Сережина реплика-напоминание:

– Первый. Ваша смена. Ваша смена.

Ответ Будакина предстал перед Сережей очередной грамматической загадкой:

– В моей смене – П. нет. В твоей смене – П. нет. В его смене – П. нет. В наших сменах – П. нет...

Сережа выключил на этих словах рацию, подумал секунду и спросил, раскладывая итоговый вопрос по слогам:

– Хорошо. Но что делать? Что мне делать?

И услышал в ответ:

– Ничего. П. нет – ничего нельзя делать. Ни-че-го!

Будакин, будто подражая Сереже, разложил последнее слово на слоги и отбросил рацию в угол. В момент ее полета обыденное сознание на секунду вернулось к Владимиру Семеновичу, он дернулся было за рацией, но мысль «Нет и не было» вернула его на место. Он вновь почувствовал себя молодым, сладкое тепло разлилось по телу, достигнув кончиков паль-

цев и макушки. Будаikin блаженствовал, так хорошо ему давно не было, точнее сказать, так хорошо ему не было никогда...

Только к исходу часа Сережа решил покинуть пост и навестить первый номер. Он нашел Будаикина в том же положении, в котором тот озвучивал часом ранее сложившееся положение дел по рации. Сережа, просунувшись наполовину в дверь, окликнул Будаикина:

– Владимир Семенович, вы как? Вы здоровы?

Не получив даже намека на ответ, Сережа вошел внутрь и, подойдя к топчану, понял, что Будаikin спит. Глаза его, правда, были только полуприкрыты. Наклонившись ближе, Сережа даже засомневался в своем первоначальном выводе. Он знал, что можно спать с открытыми глазами, и даже видел и не раз это в армии, но за Будаikinым до этого дня такого не водилось, да и сон Владимира Семеновича был в высшей степени странным. Проведя рукой перед лицом спящего, Сережа заметил движение глазных яблок, не явное, не акцентированное, но движение. Между тем и на повторный вопрос старший по смене не дал никакого ответа. Создавалось впечатление, что он видел Сережу, но не слышал его. Или слышал, но никак не мог ответить. Что-то подобное Сережа наблюдал у своей бабушки после инсульта, и рука его невольно потянулась к мобильному, чтобы вызвать скорую. Но Владимир Семенович остановил напарника. Его руки до сих пор безжизненно лежали вдоль тела, но тут Будаikin ровным и более чем здоровым движением положил левую себе под голову, правая же, поднявшись к груди, пальцем поманила Сережу к себе, и тот услышал свою фамилию, произнесенную шепотом:

– Волохов...

Сережа послушно и заинтригованно склонился к Будаикину – шепотом его фамилию Владимир Семенович еще ни разу не произносил. Неожиданно Будаikin схватил Сережу за нос и притянул к своему лицу вплотную:

– Не шуми. Нельзя шуметь, – чуть приоткрыв глаза, наставительно и таинственно прошептал Будаikin.

– Почему? – просипел Сережа в ответ, и тут же в него впились глаза Будаикина, открытые им, то ли от возмущения, то ли от удивления, во всю их среднерусскую ширь.

– Нельзя. Его нет. Нельзя шуметь.

Сережа простодушно уточнил:

– П.?

– Его, – подтвердил Владимир Семенович и закрыл глаза, оставив, впрочем, нос напарника в своих пальцах. Сережа, не пытаясь освободиться, попытался еще раз уточнить:

– И как же мы теперь?

– А никак... Ни зачем и никак. Зря. Все зря. П. нет – и все зря.

Будаikin наконец отпустил нос Сережи и положил и вторую руку под голову. Сережа отступил на шаг, и его простодушие еще раз взяло верх над здравым смыслом:

– А у шлагбаума кто тогда будет?

В ответ Будаikin улыбнулся и произнес отчетливо, уже не шепотом:

– Никого. Не нужен шлагбаум. Нет П. – зачем шлагбаум?

Владимир Семенович вопросительно прищурил один глаз, глядя на Сережу, который не нашел, что ответить, и взялся-таки за мобильный, что не укрылось от прищуренного глаза Будаикина:

– Маме звонить хочешь?

– Да нет... Я это...

– Позвони.

Будаikin закрыл глаз.

– Маме, папе всегда надо звонить. Есть П., нет ли. Мамы, папы – они... всегда...

Будаikin зачмокал губами и вдруг засвистел. Это была какая-то мелодия, а Сережа, положив руку на мобильный, все не решался совершать звонок. При этом он мучительно

пытался угадать, что за песенку насвистывает первый номер, но несмотря на отчетливый и достаточно громкий звук – сделать это никак не удавалось, так что Сережа не выдержал и спросил:

- А что это?
- Что?
- Что вы свистите?
- Гимн.

Владимир Семенович изловчился и отвечал, почти не прерывая мелодии. Наконец Сережа уловил мотив и в очередной раз посмел уточнить:

- А он, ну, гимн, теперь есть?
- Слов – нет. А звуки – музыка. А она как мама с папой...
- Всегда?
- Точно.

Сережа боком двинулся к двери. Будаikin, не глядя, по скрипу половиц определил устремления Сережи и остановил его:

- Ты куда?
- Я это... по надобности...
- А, ну, это можно...
- Я тоже подумал...
- Только...

Будаikin вдруг рывком сел и вновь перешел на шепот:

- Только ты там не говори пока никому, ну, что его нет.

Сережа ответил вопросом на вопрос и так же шепотом:

- Почему?
- А вдруг он появится?

Сережа не глядя набирал комбинацию цифр на мобильном и пятился к двери.

- Так его же никогда не было...
- Вот именно. Тот, кого никогда не было, всегда может появиться...
- А...

Сережа понимающе закивал и, нажав кнопку вызова, юркнул в приоткрытую дверь, услышав завершение мысли Владимира Семеновича уже за порогом:

- ...И тогда он может остаться с нами навсегда...

Звонил Сережа, разумеется, не в скорую, а шефу – хозяину агентства. Даже Сережиного недалекого ума хватило для того, чтобы понять, что подобный сор из избы выносить не стоит. Другое дело, что толком сформулировать, что же случилось, он так и не смог, добившись, впрочем, главного: шеф выехал, а точнее – направился к ним, так как в момент звонка он как раз объезжал вверенные ему объекты. База, на которой лучшим был Будаikin, значилась под номером пять в сегодняшнем расписании шефа. Его разговор с Волоховым не отличался содержательностью и мало что объяснял; шефа насторожило главным образом то, что звонил ему не первый номер, как того требовали правила и субординация, а второй, и этот второй был явно не в себе, ибо на прямой вопрос: «Что случилось?», он выдал что-то абсолютно нелепое и несуразное, по разумению шефа:

- Вла... Первый номер говорит, что П. нет.

– Как нет? Есть он, – автоматически выбросил шеф и так же автоматически спросил: – Вы что там, перепились, что ли, а?

– Нет его, он говорит. И говорит, раз его нет, то ничего не надо, шлагбаум там и вообще... Не пили мы. Я не пил. И он вроде...

- Вроде... Ладно, еду. Двадцать минут... Как, проживете там двадцать минут без П.?

– Проживем...

– То-то... Хм, охраннички, мать вашу... – хмыкнул шеф напоследок и завершил разговор.

Сережа понимал, что подставляет Будаykiна, но что ему было делать? На объекте и так работало трое вместо пяти. Теперь вообще двое. Он почти сутки не спал. Простоять, даже на шлагбауме, еще какое-то время он, конечно же, мог – дело молодое – но всему есть предел. Тут еще и «третий». Что он-то вообще думает? Тут только Сережа понял, что «третий» ничего еще не знает, так как информация, попавшая в эфир, больше походила на шутку, да и вообще было малопонятно, о чем речь. Но в любом случае с «третьим» нужно было связаться и предупредить о появлении шефа, который явится вне обычного расписания и может застать сменщика врасплох.

На этот раз Сережа, прежде чем позвонить, обдумал возможные вопросы и ответы, но напрягаться сильно не пришлось – «третий» воспринял инфу о шефе спокойно, переспросив для порядка:

– Чей-то вдруг? Не как обычно...

– Не знаю. Дело хозяйское...

– Все выдумывают, суки. Лучше бы четвертого нашли, а то проверяют только... Ладно, понял. На связи.

«Третий» попросту – и тогда, и сейчас – дремал и действительно не придал словам Будаykiна особого значения. Сережа понял это по голосу. И теперь ему оставалось решить еще один вопрос: где встречать шефа? Ответ вроде бы был очевиден: на шлагбауме. Но смена-то была уже не его. А список смен у шефа был всегда с собой, и он строго следил за его исполнением. Да, с одной стороны, ситуация неординарная: трое вместо пяти, и с первым номером что-то непонятное, но с другой – будет ли все это достаточным основанием для нарушения сложившегося порядка вещей? Может, стоит каким-то образом доставить Семеныча сюда, на КПП, и тем самым хотя бы частично отвести от него удар? Сережа долго не мог прийти к решению, продолжая на автомате работать, открывая и закрывая шлагбаум, но уже спустя пять минут Будаykiн избавил его от сложного выбора – и сам вышел к шлагбауму. Неожиданно Владимир Семенович сел на шлагбаум и, словно малый ребенок на деревянной лошадке, стал скакать на нем. Сережа не заметил, как Будаykiн оказался рядом, и поэтому не смог вовремя остановить вконец обезумевшего напарника. Не обращая внимания ни на Сережу, ни на сигнализирующих водителей, которых к полудню скопилось предостаточно, Будаykiн неудержимо неся вперед верхом на шлагбауме.

Стащить Будаykiна со шлагбаума Сереже удалось примерно через минуту – благо, Владимир Семенович не особо сопротивлялся. Вскоре Будаykiн оказался на КПП. Сережа усадил Владимира Семеновича в кресло. Положить его было некуда и не на что. Все свободное пространство, и топчан в том числе, было с толком и без толку занято какими-то ящиками, коробками и просто бумагами. Разобрать это все сейчас не представлялось возможным. Да и зачем? Чтобы уложить Будаykiна? Что это даст? Что сидя, что лежа – одна беда...

Сережа посмотрел на первый номер, который все еще скакал на кресле (вероятно, по инерции) и подумал: «Может, оно и правда так, а? Не может же вот так просто человек уйти куда-то в другой мир?»

На всякий случай Сережа включил телевизор и пощелкал каналы. Нет, все как обычно. Ничего экстренного. Еще раз глянув на Будаykiна, он оставил экран включенным. На выходе, в прихожей Сережа замешкался, меняя обувь: днем пригрело – и ночные теплые ботинки, и так неделями не снимаемые, начали прямо травить ноги, – и вдруг отчетливо услышал, как Владимир Семенович прекратил свою безумную скачку. Кресло перестало скрипеть. Сережа, стоя на одном колене, заглянул в комнату и увидел, что Будаykiн устался в экран. По его ком-

ментарию Сережа понял, что по телевизору показывают как раз того, из-за отсутствия которого Будайкин потерял покой. Сережу прямо передернуло: да вот же оно! Все просто: Семенич должен его увидеть и всё – всё пройдет! Но хватит ли этого одного раза, чтобы избавить первый номер от его наваждения?

Сережа взял пульт и сразу по окончании сюжета на одном канале переключил на другой в поисках необходимых новостей, потом на следующий – кажется, об одном и том же совещании с разными акцентами вещали все каналы без исключения. Таким манером Сережа сменил пять или шесть новостных программ, в промежутках выбегая на сигналы к шлагбауму. Когда поток известий иссяк, Сережа с надеждой уставился на Владимира Семеновича. Будайкин же впервые за все время посмотрел Сереже прямо в глаза и торжествующе заявил:

– Ну, видишь? Я же говорил тебе, что его нет...

Сережа вспыхнул:

– Да как нет?! Вот же его показывали! И там, и там, и там! Везде он! Везде!

Будайкин скривился:

– Э-э-э, какой ты... П. как раз потому и нет, потому что он везде... А, как думаешь, Сережа?

– Да есть он, есть! – крикнул Сережа в отчаянии и вышел к шлагбауму.

Теперь оставалось только ждать шефа, но после неудавшегося эксперимента с новостями в положительный исход верилось с трудом. Что шеф, собственно говоря, мог сделать? Семенич же не кукла и не робот: не переключишь нужную кнопку – и всё готово: «П. есть, иди работай, старый хрен!» Нет, тут человек. И если для человека П. нет, не так просто его вернуть обратно, если П. вообще, конечно, когда-либо был...

На этой мысли Сережа замер. «Так, стоп! Это что такое?» – спросил он сам себя и беспokoйно туда-сюда зашагал вдоль шлагбаума. «Этот бред Семенича – зараза какая-то», – решил про себя Сережа и поспешил избавиться от нехороших мыслей. Нет, П. есть, конечно. Есть. И шеф есть. И шлагбаум вот есть. И база эта. Вообще все есть, если П. есть. Это с Семеничем на старости лет чего-то случилось, но ему-то, Сереже, в его почти двадцать, чего с ума сходило? Сейчас шеф приедет и все разрулит. Так думал Сережа, нарезая метры вдоль шлагбаума, но нотка беспокойства, вдруг появившаяся, никуда не исчезала. И когда в ворота на джипе въехал шеф, ему пришлось долго сигналить, чтобы пробудить заблудившегося в своих мыслях второго номера, который уже давно стоял на одном месте посреди дороги. Сережа вдруг понял, отчетливо и нерушимо, что хотя П. и был, и, конечно, есть – его может не быть, не быть совсем, может не быть...

Шефа тоже звали Сережа. Про себя Будайкин именовал их Сережа Большой и Сережа Маленький. Хотя и по росту, и по возрасту различий было не так уж и много. Шефу было вроде как двадцать пять с копейками. Но только он был генеральским сыном, и это все сразу меняло. Увеличивало рост – он реально казался и Будайкину, и Волохову очень высоким – и вес, в смысле влияния. В физическом смысле шеф был в прекрасной, прямо-таки плебейской форме. Сережа Большой, как, верно, и большинство сыновей генералов, любил две вещи: во-первых, как можно чаще упоминать в разговоре отца и, во-вторых, как можно реже с ним видиться. Упомянул отца Сережа Большой последний раз где-то за пару километров до шлагбаума, благополучно закончив тем разговор с не в меру ретивым гаишником, а не виделся с отцом – надо сказать, к взаимному удовлетворению – уже с месяц и надеялся продержаться еще неделю вплоть до самого дня рождения, на котором появление отца, вследствие финансового вопроса, пожалуй, единственный раз в году было очень даже кстати.

История с Будайкиным никак не взволновала Большого. Под его непосредственным контролем было десять точек (бизнес этот был давним подарком отца на совершеннолетие), и случалось на них всякое. Подумаешь, П. нет. Бывало и похуже, груз там пропадал или драка,

а то и стрельба из табельного. Тогда папу приходилось не только упоминать, но и звонить ему, чего Сережа Большой делать не любил. Папа сам генеральским сыном не был и вышел из простых участковых и говорил на очень, ну, очень конкретном языке, от которого у Сережи всегда выступал пот на спине и начинала болеть голова, а любой, даже самый малый дискомфорт, он не любил и всячески избегал. Отец же был сплошным дискомфортом, но с этим приходилось мириться и потеть. Но сейчас, сигнала как будто заснувшему у шлагбаума второму номеру, Сережа Большой об этом не думал – поводов для дискомфорта не было и не предвиделось. Когда второй номер, наконец, вышел из ступора, Сережа Большой, проезжая мимо, отметил убитый вид второго номера – и это было более чем объяснимо: смена уже неделю работала без двоих. «Вообще, интересно, как он на ногах еще стоит... хотя... по идее его тут и быть не должно». Паркуясь, Большой бросил взгляд на список и удостоверился в своей цепкой памяти: на главном входе должен быть первый номер. А, ну у него же П. нет, какая работа, хмыкнул, выходя из машины Большой. Окинув хозяйским взглядом объект, он отметил, что видимых причин для беспокойства нет.

Сережа Маленький встретил шефа у входа на КПП:

– Здравствуйте, Сергей Леонидович...

Но ничего дельного Волохов сказать не успел, так как шеф начал с места в карьер:

– Где первый? Здесь?

– Здесь.

– Угу. Разберемся... Смотри вон, что палишься?

Большой Сережа прошел на пост, а Маленькому пришлось пропустить одну за другой три фуры, прежде чем он, спеша быть свидетелем, прибежал следом и застал шефа сидящим прямо напротив Будайкина в крайне озадаченном, близком к дискомфорту состоянии. Шеф не то чтобы был удивлен, нет, он попросту был разбит аргументами первого номера и вроде бы только машинально кивал ему в ответ:

– ...И вот, мальчик, такие дела. Нет П. – выходит, и всех вас нет. Всех начальников. И папки твоего, генерала, и тебя подавно. Всех «приказывателей» до единого. Похерилось племя ваше, на хрен моржовый пошло и заткнулось. Такие дела, мальчик. А ты тут разбираться приехал, перец жухлый! Эх!

Махнул рукой Будаikin напоследок и, отвернувшись от Большого, уставился в окно. У Маленького выступила испарина на лбу, и он чуть приподнял фуражку за козырек. Большой посмотрел на него, и тут Маленький понял, что несколько ошибся в оценке ситуации. Большой подмигнул ему и нарисовал пальцем в воздухе две цифры «03» и показал тем же пальцем на дверь – мол, там, не здесь. Маленький кивнул и на цыпочках вышел во двор. Большой же продолжил беседу, смешившую его до колик, тем более что он успел включить диктофон и уже предвкушал «прослушку» материала вечером всей его мажорской компанией. Одно не давало совсем уж расслабиться: что делать с объектом? Трое здесь – это еще куда ни шло, но двое – это просто физически невозможно. Он уж успел прокрутить пару вариантов с переводом людей с других объектов, но Будаikin не давал сосредоточиться. Вот и теперь, после ухода второго номера, он повернулся к Большому и продолжил:

– Ты вот что, наверное, думаешь, мальчик...

Шефа крайне корбило такое обращение еще и потому, что его так всегда называл отец.

– ...Я сошел с ума, да? Сидит вот тут перед тобой старый пенёк, отставной прапор, и горюдит, не знает что? Да? Хрен угадал. Нет его и не было никогда. Все. Финиш. Ты пойми, мальчик мой...

«Мой» отец Большого добавлял в особых, очень неприятных случаях, так что шеф еще более напрягся, но усидел на месте и промолчал.

– ...Дело ведь не в том, что П. нет и не было...

Будайкин сошел на шепот и вплотную наклонился к Сереже (так отец делал ну совсем в «жопошных» ситуациях, так что и теперь капелька пота все-таки появилась на спине Большого и поползла груженым вагоном вниз).

– А в чем?

Сережа сглотнул слюну – дискомфорт был пока еще капелькой, но грозил, грозил стать редкой мокрой рубашкой.

– В чем? – переспросил Будайкин и наклонился еще ближе и вдруг схватил Большого за нос. – Вот в этом, мальчик мой, в этом...

Владимир Семенович покрутил нос Большого пальцами, сжал его легонько и отпустил. Отвернувшись к окну, он, вызвав вторую и третью капельки на спине Большого, засвистел. Большой прислушался, узнал гимн, и ему вдруг стало совсем нехорошо – капелек сразу стало много и тут же дико застучало в висках – именно так при редких разговорах с ним и так же отвернувшись к окну, насвистывал гимн его отец...

Скорая приехала быстро. Относительно расположения объекта – даже очень. Через час. К тому времени Сережа Большой отправил Сережу Маленького спать – того уже пошатывало на ходу. И Большой сам, чего никогда раньше не случалось, встал на шлагбаум, вызвав подкрепление с двух соседних объектов. Хотя и там ситуация была на пределе, она все-таки оставалась терпимой: незначительная по одному человеку, не более. Образовавшуюся нехватку людей надо было исправлять любыми путями. А на завтра ожидалось прибытие пяти новеньких, которыми как раз можно будет закрыть дыры в графике. Конечно, новички поначалу – это полный, как говорится, геморрой, тем более когда выбывают такие опытные люди, как Будайкин, но выхода не было, и из двух зол – отсутствия кого-то и присутствия хоть кого-то – Большой, разумеется, выбрал наименьшее. В отношении этой проблемы он как-то успокоился и приступ паники, охвативший его было вместе со свистом Будайкина, прошел, как будто и не было его вовсе, хотя зайти и провести Владимира Семеновича до приезда скорой шеф так и не решился. Шеф предпочел погрузиться в монотонную «шлагбаумную» работу, которая хоть никак и не соответствовала его должности, зато полностью удовлетворяла сейчас его потребности. Мерные подъемы и спуски стрелы успокаивали, уводили от беспокойной реальности. Медитативно завораживая Большого, они не позволили ему сразу заметить Будайкина у окна КПП. Не заметил он вовремя и изменений, произошедших с окном КПП минутой позже.

Как уже говорилось, все внутреннее пространство пункта было завалено всяким хламом, среди которого обнаружилась и краска, стандартная белая для любого типа поверхностей. Ее и использовал беспокойный первый номер, чтобы отправить свое послание миру и человечеству. Только на третий раз обернувшись, Большой обратил внимание на надпись на стекле, которая представляла собой не что иное, как главный тезис Будайкина. Послание в зеркальном отражении человеку неподготовленному было сложно расшифровать, но шеф, понятное дело, к неподготовленным не относился. В этот самый момент Будайкин дублировал надпись чуть выше первой: уже разделившись с фамилией, он напряженно, высунув в азарте язык чуть ли не наполовину, выводил начальную букву «н» второго и заключительного в высказывании слова. Остановить творческий процесс, а именно бросить так просто свое рабочее место, Большой не мог – был час пик и машины шли потоком, поэтому к приезду скорой все три окна КПП украшали своего рода «новогодние снежинки», трудно читаемые снаружи, но более чем понятные изнутри. К исходу часа «снежинки» украсили не только окна, но и пол, и стены, куда ни посмотри. Но и это еще было не все: когда врач скорой вошел в сопровождении Большого на КПП, П. не было уже и на потолке...

Врач – плотная русская женщина, мать двоих детей читала «снежинки» не долго. Она отработала с утра на пяти вызовах с одним, по-видимому, летальным исходом. Быстро уяс-

нив суть предсказуемого и однообразного творчества Будайкина, она скривилась, потянула носом и, не уловив предполагаемых миазмов, осмотрелась. После чего вопросительно уставилась на Большого. Он молчал. Тогда врач поинтересовалась:

– И давно его нет?

– Здесь? Час.

– А вообще?

Сережа прикинул в уме.

– Часа три, но, может, и все пять.

– Долго. Так ведь можно и совсем человечка потерять. Что ж вы раньше не вызвали?

– Я здесь только час. Сразу и вызвал. А подчиненные, что с них взять? Меня ждали...

– Так... Что он употреблял?

– В том-то и дело, что ничего.

Врач еще раз осмотрелась. Будаикин, не обращая на присутствующих внимания, с трудом – потолок не стены – заканчивал букву «т».

– Вы уверены?

– Да. Давно его знаю. Да и напарник подтверждает.

– То есть вот просто так, без всего, раз – и «П. нет»?

– Еще и «не было».

Сережа обратил внимание врача на отдельные, более редкие надписи.

– Да, еще и «не было»... Ну, давайте снимать этого вашего Микеланджело...

– Кого?

Врач ухмыльнулась – читанный накануне в метро журнал с биографиями давал ей на это некоторое право.

– Книжки надо читать, молодой человек, не все ж по девкам лазить...

– Это правильно... – ответил с иронией в голосе Большой, но врач осадила его:

– Что правильно?

И направилась к Будаикину, снять которого со стола, к ее удивлению, не составило особого труда – он не сопротивлялся, как будто его миссия была уже выполнена. Большому не пришлось даже помогать. Врач сняла Будаикина со стола самостоятельно и уложила на освобожденный от хлама топчан. Молча и как-то механически проделав над Будаикиным обычные в таких случаях процедуры, врач отложила инструменты и спросила Большого:

– Как его?

– Владимир Семенович.

– Владимир Семенович, вы меня слышите?

– Разумеется, вы же рядом со мной сидите.

– И вас не удивляет, что я вас вот так осматриваю?

– Нет, это же со всяким может быть.

– Что именно?

– Ну, скорая там, врач. Все мы...

– Ну, да, да... смертны. Ну, а вот эти надписи ваши, они что означают?

– А вы, доктор, читать не умеете?

– Умею, как же...

– Ну, так что написано, то и означают...

– То есть его нет и не было?

– Да, нет и не было.

– И вам не кажется это странным?

– Еще как кажется, доктор.

– То есть вы пишете то, чего нет, то есть пишете неправду.

– Нет, доктор. Я пишу правду о том, чего на самом деле нет и не было.

Врач не нашла сразу, что ответить, и каким-то, как показалось шефу, тоскливым взглядом посмотрела на него. Затем вернулась к Будайкину и уточнила:

- Зачем?
- Не знаю.
- То есть вы знаете, что его нет, но не знаете, зачем это пишете и говорите?
- Именно.

Врач снова замолчала и на минуту ушла в себя, потом встрепенулась и обратилась к Большому:

- Вы курите?
- Нет, вообще-то. Но за компанию могу.
- Составьте.
- Как скажете.

Они вышли на порог. На шлагбауме стоял «третий», заблаговременно вызванный сюда к приезду скорой. Аврал к этому времени на минуту спал. «Третий» и шофер скорой курили и что-то обсуждали. Они остановились было, заметив начальство, но увидев, как врач открывает пачку, успокоились и продолжили разговор.

Сигареты были тонкие, дамские. Большой тянул мелко и не в себя – и не довел и до половины первую, как врач, начав вторую, прервала их затянувшееся молчание:

- Физиологически у него все в норме. И логика на месте.
- В смысле, логика на месте? Это, по-вашему, логика? – шеф показал на окна.
- Я не о сути. О порядке слов, о ходе мысли...
- А... Ну, так-то да, но нам-то что делать?
- А вы сами как думаете?
- А что я могу думать? У меня осталось два человека на объекте, где должно быть пять.

И он – первый номер, глава смены. Я не могу вот так просто его заменить.

- Так оставьте.
- В смысле?
- Ну он же выполняет свои обязанности, а что он там говорит и пишет, так Бог с ним!
- В том-то и вопрос, что он ничего не делает.
- Ну, это ваши проблемы. Я-то здесь при чем?
- То есть, по-вашему, это нормально?

Большой вновь указал на окно.

- Нет.
- Вы врач?
- Да.
- Так лечите!
- От чего? От П.?

Вопрос завис в воздухе и так там бы остался, если бы на порог КПП не вышел виновник всеобщего беспокойства. Владимир Семенович невольно прищурился – солнце к полудню вышло из-за облаков – и даже чихнул, обратив этим на себя внимание окружающих. Будайкин поочередно одарил улыбкой каждого из куривших, и прежде чем без остатка впасть в безудержно-счастливый смех, удовлетворенно констатировал:

– А вы знаете, П. все-таки есть. Только не здесь. Не в этой жизни. Он там. Он будет после всего. После всех. Нам всем осталось недолго его ждать. Мы подождем? Мы подождем. Мы подождем...

Владимир Семенович проснулся перед рассветом. От лошадиной дозы корвалола, которой вчера оборвали его смех, болела голова, руки и ноги казались чужими, и как-то неуютно, нет – не болело, но екало под левым соском. Владимир Семенович провел глазами по глав-

ной трещине на потолке и в самом конце ее, как и накануне, будто по команде, залаял Вения. И Будаикин понял – П. не появился. Его по-прежнему не было: ни вчера, ни сейчас...

Дослушав до конца Веню, который был привычно в два-три лая краток, Будаикин, помня бесперспективность смены положений тела, сразу встал. Получилось это с трудом: вчерашние 60 капель в движении еще больше, чем в покое давали о себе знать.

И первое, что Владимир Семенович сделал, после того как умылся, – это принял решение о судьбе пузырька, неосмотрительно оставленного Сережей Большим прямо на кухонном столе. Будаикин вылил его в мойку. Именно вылил, а не сцедил по каплям, для чего вырвал зубами колпачок, с отвращением уловив ртом приторный полынный привкус.

Звук упавшего в ведро пузырька, возможно, стал главной причиной пробуждения Вени, все больше спавшего в последнее время. Свой контрольный лай Вения приловчился выдавать прямо во сне, не просыпаясь, как некую неизменную, заученную обязанность. Схожим приемом «вениного лая» пользовались и люди, охраняющие объект.

Будаикин, разумеется, об этом знал, но уличить подчиненных ему удавалось редко – они порой в последний момент открывали глаза, а уж вилять хвостом многие умели почище Вени, который и теперь, вытянув морду, преданно глядел на хозяина. Вения, как и всякий пес, тонко чувствовал, кто на объекте главный. И, Боже мой, в какой веер превращался его хвост при Сереже Большом! Но сегодня, как и вчера, Будаикину было не до Вениной, основанной на ежедневной кормежке, преданности. П. нет и не было, и шансов что-то изменить в этом вопросе оставалось с каждым часом все меньше и меньше. Мысль, укрепляясь со временем, становилась непоколебимой реальностью...

Владимир Семенович присел на одноместную скамеечку у кучи песка – другие, он знал об этом, в шутку называли ее трон – и сам обняв себя, чтобы согреться, уставился на севшего напротив Веню. Будаикин в который раз присмотрелся к его дворняжьей морде, пытаясь найти в ней хоть какие-то очертания породы, и в очередной раз потерпел поражение. Будаикин понял, что для Вени П. тоже нет и не было, даже еще больше, чем для него. У пса и мысли такой не возникало. Хотя даже трудно представить себе, как бы он вертел хвостом в его, П., присутствии, если бы П. все-таки был...

При последней мысли, представив себе вдруг оторвавшийся в восторге от Вениного тела хвост, Будаикин невольно улыбнулся Вене, и пес, дернув мокрым носом в ответ, подошел ближе. Будаикин почуял тяжелый псиный запах, пробивавшийся порой в вагончик из-под пола, где пес время от времени обосновывался. Веню гнали прочь, в его будку на въезде, но он возвращался, переждав день-два, и его, конечно, прощали, чтобы в какой-то день выгнать снова. Теперь этот запах не показался Будаикину отталкивающим, в нем почудилась какая-то иная жизнь, простая и ясная, выстроенная на еде, сне и редком лае, лишенная преследовавшей Владимира Семеновича со вчерашнего дня мысли, от которой некуда было деться. Будаикин позабывал Веню, но не смог представить себя собакой. Он потрепал пса за ухо и, взяв лежавшую рядом со скамеечкой палку, бросил ее к забору. Вения послушно принес ее. Будаикин бросил палку снова, и Вения повторил свой маршрут. Он делал это, как и всегда, без особого азарта, очень деловито и не спеша. Казалось, если бы пес мог думать, то он не побежал бы и в первый раз, но заученный рефлекс не давал ему такого шанса. И даже когда пес все-таки устал и остановился, Владимиру Семеновичу казалось, что тот продолжает бегать, и вот Будаикин уже сам бросал палку и сам же бежал за ней и приносил ее в зубах, совершенно не осознавая своих действий. Не заметил он и вставшего на свою смену Сережу Маленького, и пришедшего отсыпаться «третьего», и облаянного Веней незнакомого ему «четвертого». Но и они проходили мимо, не задерживаясь, не глядя на Будаикина и ничего ему не говоря. Молчание их легко было понять. Владимира Семеновича Будаикина, как и пса по кличке Вения, на этом объекте не было, ни по каким-нибудь спискам, ни в чьей-либо памяти, не было ни вчера, ни сегодня, никогда...

Постоянник

Мой постоянный гость по прозвищу Тихий умер на День народного единства, утром, во сне, подобно звезде рок-н-ролла, захлебнувшись собственной рвотой. Его нашли на скамейке, на соседнем с нашим переулком бульваре, который каждый вечер был набит соответствующей публикой: неформалами всех мастей, тут же одномостно много выпивающих и играющих на всех возможных музыкальных и близких к ним инструментах. Понятно, что до тех пор, пока друг Тихого, провожавший его и заснувший в ближайших кустах, не проснулся и не стал будить товарища, никто ничего и не заметил. А случилось все это на почве трех «писко», трех «лонг-айлендов», двенадцати «шотов», путанного содержания и обязательной начальной порции «Камю Бордери»¹. Это я знал точно. Я хранил его чеки. В последнее время Тихий зачем-то всегда меня об этом просил. Еще, помню, я рассыпал в ту ночь банку сахарной пудры. Она словно иней покрывала мои руки, когда я прощался с Тихим – как оказалось, навсегда. И не то чтобы я чувствовал себя виноватым, нет. Он сам все для себя решил, но все-таки именно мои руки – и ничьи иные – подали ему той ночью все выше перечисленное. Я знал его два года, и то, что он сделал в свой последний вечер, по совести говоря, он делал очень часто. Но, видно, всему есть свой предел: однажды человек просто засыпает на спине, а не на боку и, наконец, случается то, что и должно было когда-то случиться...

Особенно я не понимал – это при его-то средствах и разборчивости в алкоголе – его любовь к «лонгам», этому дремучему пойлу для околобарного быдла. Но и это был его почти каждодневный выбор. Он понимал суть «лонга» – нажраться как можно быстрее. Но никак не стремясь к указанным темпам (Тихий как раз любил делать это как можно дольше), тем не менее, пил его каждый день. Чаще один или два, не семь, конечно. Пил с явным и нескрываемым отвращением, пил его, как некую дань Алкоголю, которому был предан, как выяснилось, без остатка, отдав ему всецело не только свою жизнь, но и смерть.

Когда я вспоминал наше знакомство, мне на ум приходила клетчатая рубашка Тихого, бесследно растворившаяся после того вечера. Он никогда больше в ней не появлялся. Ее мелкая синяя клетка отчего-то меня раздражала. Так что после пяти «лонгов», в ответ на быдлаче-пацанскую просьбу сделать «что-нибудь», я подал ему стакан молока, который он выпил с невозмутимой и какой-то аристократической покорностью. И это при том, что молока, как и прочих молочных продуктов, он не употреблял вовсе, по причине предельной непереносимости. Об этом я узнал позже. Тогда же Тихий подал мне руку и представился, не оставив вариантов для отказа – он был первым, кто в подобной ситуации выпил этот стакан. Про это молоко Тихий потом часто вспоминал. А в тот вечер он, заказав после молока «Маргариту»² не сказал мне до утра больше ни слова, не считая названий напитков. Когда он уходил после завтрака – Тихий ко всему прочему любил овсяную кашу с сухофруктами – я подумал, что он больше никогда не придет. Но он пришел спустя четыре дня, в среду. Сев за стойку, Тихий прикрыл собой картину тотальной безысходности: за столом у окна две толстых дамы под сорок в полном одиночестве в три часа дня пили водку из графина и запивали ее томатным соком. Тихий просто, как давний знакомый, протянул мне руку и сказал:

– Сделай «Мэри»³. А то с твоего молочка херовато чего-то...

Как выяснилось, он четыре дня спускался с субботы будто на парашюте, уменьшая дозы и крепость. Но теперь настала среда, и ему предстоял обратный путь. Я молча кивнул, и про

¹ «Писко» – разновидность виноградной водки. «Лонг-айленд» – коктейль на основе водки, джина, текилы и рома. «Камю Бордери» – коньяк, производимый коньячным домом Camus.

² Маргарита – коктейль на основе текилы, сока лимона, цитрусового ликера и льда.

³ «Кровавая Мэри» – коктейль, в состав которого входят водка томатный и лимонный сок, специи.

себя назвал его почему-то «Тихим». Не знаю почему. Так, залетело слово. Сказал ему об этом в очередную субботу. Тихий напивался не как все: с пятницы на субботу. Напротив, он делал это исключительно – если не считать редких будних дней – с субботы на воскресенье. Против прозвища он не возражал. Хотя «кликухи» не любил и называл меня просто – Костян, а не как все – Буга (от фамилии Бугаев). Других не отучивал. Но сам не называл. И в этом был он весь: если ему что-то не нравилось, он это принимал, принимал как есть, принимал как часть целого, потому, видимо, и пил ненавидимые им «лонги», смеясь над теми, кто их заказывал, смеясь над собой...

О смерти Тихого мне сообщил его друг, бывший с ним в тот вечер. Этот друг, собственно говоря, и привел Тихого к нам в первый раз. И был с ним в последний. Я и не требовал от него отчета и покаяния – он-то в чем виноват? – но получил и то, и другое сполна. Потом он ушел встречать родных Тихого. Они жили в каком-то другом городе. Было четыре часа дня. Они как раз должны были подъехать. Морг был где-то по соседству. Я проводил его взглядом и вспомнил, что той ночью ушел в час, чтобы выйти на смену в девять. Тихий уходил со мной, он собирался куда-то еще, но друг утащил его как будто бы спать. У него «хата» где-то на бульваре. На тот момент он был, безусловно, прав – Тихий едва-едва стоял на ногах. Но вот как вышло. Они не дошли. Еще, просто не надо спать на спине. И много пить. И будешь жить долго и счастливо. Зря. Но долго и счастливо...

В начале пятого толстый старик в очках остановился на входе. Слегка осмотревшись, он направился в мою сторону. Таких, как он, древних, к нам обычно не пускают, чтобы не пугать молодежь. Они, впрочем, и сами редко заходят. Но охранник обедал – воскресенье, день – можно себе это позволить. И опять же день, никого нет, пусть идет, не велика беда. Старик с трудом забрался на стул и обвел взглядом бар. Я заученно положил перед ним меню и карту, но сразу понял, что допустил ошибку – старик отодвинул их в сторону, не глядя, и с минуту рассматривал бутылки одну за другой. Я бы не обратил на него внимания, если бы не его рубашка. Она была в такую же мелкую синюю клетку, что и та самая рубашка Тихого. Размеров на пять больше – Тихий при всем своем образе жизни до последнего дня был худым, без какого-либо намека на животик среднего возраста – но абсолютно та же по цвету и рисунку. Старик, поймав мой взгляд, улыбнулся и спросил:

- Футбол будет?
- Скажете – включим. Когда?
- В три.
- Час еще. Я скажу. Что будете пить?

Он взял паузу. В такие моменты решалась судьба гостя. Решалось его место в реестре избранных. Первое впечатление на то и первое, чтобы остаться таковым навсегда. Но старик – под футбол я привычно ждал пива – направился совсем в другую сторону:

- Я, вот, Костя, думаю о «Камю Бордери»... Но вот футбол смущает...

Я поднял брови. Я видел старика в первый раз, а он назвал меня по имени, что вполне можно было списать на бейджик, но надпись там была мелковата для его очков, и он не посмотрел на него, я точно это помню. Но смутило меня и другое: последнее, что выпил Тихий в свою последнюю ночь, – это был именно «Камю». И именно «Бордери». Впрочем, другого «Камю» – за это Паша всегда недовольно цеплялся – у нас и не было. Я невольно оглянулся – бутылка «Камю» была на своем месте, где я вчера ее и оставил. Этот коньяк пил только Тихий. Коньяк у нас вообще мало кто пил. Легко запомнить. Старик вывел меня из задумчивости:

- Так что, сочетается с футболом или как?

Я не то чтобы смешался, но не нашел сразу, что ответить, а когда собрался, гость неожиданно съязвил:

- Хочешь сказать, хорошее со всем сочетается?

Я чуть дернулся, но сдержался и только кивнул в ответ. Старик пил медленно, почти не делая глотков, будто растворяя коньяк на губах и во рту. На порцию у него ушел час: она закончилась только под самый футбол. Он терпеливо выслушал составы команд и только тогда заказал вторую, которую пил, как мне показалось, еще медленней. В какой-то момент я даже засомневался, что он вообще пьет, то есть, что алкоголь вообще попадает в него. Мне показалось, что он, едва коснувшись губ старика, тут же растворяется, но не идет внутрь. К третьей порции мое мнение – я точно помню, их было три – еще более упрочилось: старик выглядел так, будто и не пил вовсе. Когда я подал ему чек – его команда выиграла, и старик выглядел очень довольным – он расплатился и молча подал мне руку на прощание. Он ушел, и только в этот момент я обратил внимание, что коньяка в бутылке ничуть не убавилось. Тогда я посмотрел на чек. Он был пуст. Там не было ни одной позиции. Ни одной! Но их же было три! Я точно это помнил. Объем бутылки и чек доказывали обратное. Единственным же доказательством моей правды были чаевые: их количество соотносилось с стоимостью трех порций. Но, может быть, старик ошибся? Или все-таки, погруженный в свои невеселые мысли, ошибся я?

На похороны Тихого спустя пару дней я не поехал. Работал. Да и кто я ему был? Мое участие в его жизни (и тем более – в смерти), конечно, было весомым, но вряд ли достойным того, чтобы я был одним из тех, кто провожал его по дороге к большинству. Друг Паши, как водится, напился в тот вечер. Пришлось оставить его на складе и то и дело проверять, не перевернулся ли он на спину, но в конце концов он ушел после завтрака своим ходом. Сразу после того опять появился старик. Моя смена закончилась. Но я остался, как будто на завтрак. На самом деле я сел за стойку рядом с гостем, чтобы понять, что происходит, как и что он пьет, и пьет ли вообще. Он узнал меня и подал руку:

- Как?
- Нормуль. У вас?
- Живой.
- И то хорошо.
- И то.

К моему разочарованию, он заказал овсяную кашу с сушеными бананами и чай. Я ел яичницу и поглядывал на него, и после чая мои ожидания оправдались. Он заказал «Камю». Наблюдая, как он его пьет, я опять заметил, что горло его не движется, глотков нет, коньяк куда-то бесследно исчезает, ведь даже губы его остались сухими к исходу бокала и, клянусь, он не вытирал их салфеткой. Когда старик ушел, я, выждав паузу, направился к выходу, но, остановившись у дверей, вернулся и осмотрел чек, оставленный им на столе вместе с чаевыми. В нем опять не было ничего! Я подошел к Никите, моему сменщику в то утро:

- Ты не пробил ему «Камю».

Он покачал головой и отвернулся. Никита вообще отличался «разговорчивостью». Я по своему понял его ответ:

- Как «он не заказывал»? Я рядом сидел. Он его пил.

Он поднял на свет слегка початую бутылку. Другой на стене не было. Но что же я тогда видел? Кто он такой, этот старик, и что со мной происходит? Я взял выходной за свой счет, но выспаться не получилось – Тихий и дед не выходили у меня из головы. В итоге я напился. Просто до чертиков напился портвейном, сидя у телевизора, но когда вышел на смену, первое, что я сделал, – это проверил бутылку «Камю». За прошедшие два дня она никому не понадобилась. Я стал ждать. И ожидание было недолгим...

Старик пришел во все той же клетчатой рубашке – да, забыл сказать, что и за тем завтраком он тоже был в ней – и во все тех же очках. Сменились брюки, часы и даже, кажется, бумажник, но не рубашка и очки. В это его посещение я обратил внимание и на то, как бодро он перемещался по бару, невзирая на свой вес. Да, на стул он забирался не без труда, но тому были объективные причины – их высота. Но во всем остальном ни отдышки, ни кряхтения.

Он был бодрячок, бодрячком, что никак не вязалось с его «стошкой», не меньше. Он не потел и не краснел после выпитого, и я ни разу не видел, чтобы он вышел в туалет.

Пил он на этот раз «шоты». Пару легких ликерных смесей. А запил все, как водится, «Камю». Я не отпускал бутылку от себя и четко пробил обе порции. Но в чеке коньяка, как и всегда, не оказалось и в бутылке напиток не убавилось ни на каплю. Хмуро наблюдая за уходом старика, я мучительно соображал, в какой момент я опять отпустил ситуацию – и снова ничего не понял. У самых дверей старик обернулся и поднял руку в знак приветствия, я ответил тем же, и только тут заметил, что старик пришел в бар босым. Не в носках или тапках – такие случаи с местными бывали – а именно с босыми ногами. В ноябре! В дни первых дневных заморозков. Так, я отчаянно и везде замерзал в эти дни – мне все время и как-то беспричинно было холодно. Еще более необъяснимым было то, что охранник Николай – простой и серьезный парень из пригорода – пропустил старика. На мой вопрос, почему он пускает людей без обуви, Николай в ответ только посмотрел на меня (точнее, как-то сквозь меня) как на идиота и не счел нужным отвечать вообще, и я понял, что для него старик был в обуви и никак не босым. Я вернулся за стойку и еще раз осмотрел бутылку. С ней все было нормально. Я пробил на свой счет сок. И касса работала, как ей было положено. Только вот бокал, из которого пил старик, сохранил пару капель коньяка, которого, судя по бутылке и кассе, туда никто не наливал, но ведь что-то старик пил? Я взял бокал и внимательно осмотрел его. Что-то меня насторожило, но я не сразу понял, что. Я вспомнил, как его держал старик. Сначала он поднял его за ножку, но потом, потом на второй порции, он взялся за бока. Я присмотрелся. На стенках не было никаких отпечатков ни внутри, ни снаружи. На дне имелась пара капель (судя по запаху – коньяка), но не было никаких следов ни от пальцев снаружи, ни от жидкости внутри. Этот бокал как бы никто не держал, и ничего из него не пил. Он был чист и абсолютно прозрачен. Старик к нему как бы и не прикасался вовсе. Он вообще непонятно зачем оказался на стойке, и только злополучная пара капель на дне выводила все из равновесия. Я взял бокал и ушел от камер в «мертвую» зону. Долгим, протяжным движением я допил остатки. Он самый. «Бордери». С этим единственным, странным шоколадно-фиалковым ароматом. Я вернулся за стойку и вдруг увидел старика в окне. Он с кем-то разговаривал. Этот кто-то в черном костюме стоял ко мне спиной, но очертания силуэта мне показались очень знакомыми. Только когда старик положил собеседнику руку на плечо и они пошли вдоль окон в сторону входа, я узнал друга Тихого. Почти сразу после того, как идущие исчезли в последнем окне, друг Тихого вошел в бар и по обычаю уселся за стойкой. По виду он был еще в трауре. Пить не стал. Взял обед и двойной эспрессо.

– Как вообще?

– Нормально. Менты достали: что да как...

– Подозревают? В чем?

– Хер их знает. Не может, мол, человек просто так. Может, он чего не так выпил или того хуже выкурил, ну, и все такое... К вам не приходили?

– Нет. А чего – обещали?

– Не обещали. Но, судя по вопросам, хотели.

– Этих дел куча...

Такой разговор мог и дальше идти себе, но меня не это интересовало, поэтому я не выдержал – зудело прямо на языке:

– Ты с этим стариком толстым знаком, что ли?

– С каким стариком?

– Да в окне видел, ты с ним разговаривал...

– Ни разговаривал я ни с кем. Ты чего, Костян?

– Да как же, ты с ним почти до дверей шел.

– Я один шел. Я вон там остановился, да, но это я Тихого вспомнил, как раз там я его в такси сажал.

– Да был же дед толстый такой, в рубашке еще в клетку синюю, он тебе руку еще на плечо положил...

– Не знаю я никакого деда, чего ты пристал?

Когда он ушел – помню, как охранник и Никита отчего-то ухмылялись, глядя ему вслед – я вышел сразу за ним. Он удалялся по переулку, а рядом, обняв его за талию, шел старик и что-то кричал ему на ухо. У поворота старик засмеялся и толкнул собеседника в спину, иди, мол, вперед! И когда тот скрылся из вида, посмотрел на меня. Я невольно спустился с порога и сделал несколько шагов в его сторону. Тогда старик, словно останавливая меня, засмеялся, закидывая назад голову – смех эхом разнесло по переулку. Я невольно остановился. Он прекратил смеяться и вдруг легко, что с ним никак не вязалось, запрыгал на месте. Я попятился, а он, прыгая как мячик, вскоре скрылся за поворотом. Я не пошел следом. Теперь я точно знал, что его там нет. И более того, теперь я точно знал, где он. Там я его и нашел: когда я вернулся за стойку, он сидел на своем месте и со скучающим видом листал коктейльную карту. Я слышал о таких вещах. Ночная работа. Месяцами не видишь солнца. Шум, табачный смог, куча неадекватного быдла – все вместе сводит с ума рано или поздно. Тут еще смерть постоянного, к которой я, как-никак, был причастен. Вот и поехала крыша, решил я про себя. Поехала даже не то чтобы совсем изобретательно. Опять же бар, гости, напитки. Ни тебе зеленых человечков, ни бесед с Богом. Буднично как-то. С этими мыслями я смотрел на старика, заинтересованно – будто в первый раз – листающего карту. Он делал это очень быстро; я сомневаюсь, что, с такой скоростью переворачивая страницы, там можно было что-то прочесть. Он пробежал страницу глазами одним протяжным движением, не деля ее на строчки и абзацы, охватывая ее целиком, как картинку. Немудрено, что на всю карту у него ушло меньше минуты, после чего он обмахнулся ею пару раз, словно веером, и задумчиво произнес, не глядя на меня, но явно ко мне обращаясь:

– 383.

Я не понял и переспросил:

– Что?

– 383 позиции.

– Коктейлей?

– Нет, всего. 383. Вместе с сигаретами.

Я не знал, как реагировать на такое «хочу все знать», но все-таки решил развить тему:

– Это много или мало?

Старик, наконец, посмотрел на меня:

– Это 383. Ни больше и ни меньше. И...

Он завис, как будто собираясь что-то добавить, и добавил, но явно не то, что я ожидал:

– ...Сделай «лонг-айленд».

Я сдержал крайнее удивление и просто кивнул в ответ. Выставил перед ним бутылки и взялся за джиггер⁴. Старик садился всегда прямо напротив одной из барных станций. Он бросил карту и та словно шайба прокатилась по стойке до самой стены:

– На хер джиггер, Костян, не будь лохом – будь человеком – это же «лонг»! Он терпит глаз, дорогой!

Я еще раз кивнул и отставил джиггер. Слова, сказанные гостем про «лонг» и джиггер, показались мне очень знакомыми – будто слоган из доставшей всех рекламы, но вспомнить сразу, где я их раньше слышал, не получилось – «лонги» пошли чередой. Причем дело было даже не в старике. Заказы на «лонги» пошли со всех столов. В ланч! Но «лонг» не входил,

⁴ Джиггер – мерный стаканчик.

да и не мог быть включен в ланч. Обедающие, словно и не собираясь выходить после ланча на работу, заказывали по три-четыре «лонга» на каждого, так что к исходу часа бар имел с десяток абсолютно пьяных столов, а второй десяток однозначно двигался в том же направлении. Старик же между тем пил тот самый первый бокал и, судя по объему оставшегося, явно не собирався брать еще. Надо было еще видеть, с каким отвращением старик его пил. Он явно делал коктейлю одолжение. Не понимая причины всеобщего сумасшествия, нутром я чувствовал – и это было немудрено – что все происходящее в баре как-то связано со стариком, точнее с его «лонгом». Про себя я даже предположил, что все вокруг прекратят пить «лонги», как только старик исчерпает свой. А он явно не спешил, вертел головой и ухмылялся. Уж он-то точно знал, что происходит, и это доставляло ему какое-то особое удовольствие, понятное только ему одному. Я понял, что надо ждать. Но старик, словно угадав мои мысли, тянул с последним глотком. Даже когда на дне стакана оставался только лед, он еще долго не выпускал трубочку изо рта, наблюдая, как бар мало-помалу погрузился в почти пятничное безумие...

Только тогда старик двинул стакан ко мне и положил на стойку карту постоянного гостя. Я взял ее, как еще одну зацепку. Хотя так и не смог вспомнить, пользовался ли старик ей в прошлые посещения... Кажется, все-таки нет. Я рассмотрел карту, как можно пристальней. С виду это была карта как карта. И сработала она, как и другие ей подобные – на 20%. Только у нее не было номера, а из данных владельца на экране кассы возникла только фамилия – Кирдяев. Фамилия ни о чем мне не говорила. Постоянный – это имя, прозвище. Фамилия – очень редко. В основном, если речь шла о какой-то знаменитости или уж о совсем древнем госте. А так, постоянник – бесфамильное существо, и в этом его статус. И для них мы, бармены, как правило, тоже бесфамильны. Но сейчас, прежде чем вернуть карту, я на всякий случай запомнил фамилию. Но старик и тут в каком-то смысле опередил меня. Рассчитавшись, он, убирая карту в бумажник, спросил мельком:

– Все забываю, как там твоя фамилия? Бу... бу... Как?

– Бугаев.

– Вот, Бугаев!

Словно пойманный на месте преступления, я не выдержал и уточнил:

– А что?

– Ничего. Фамилия – это ничего. Она не имя... Давай, увидимся!

Он подал мне руку и еще раз, показалось, удовлетворенно окинул взглядом зал, в котором наступило удивительное для такого количества «лонгов» затишье, и добавил:

Никогда не понимал, зачем они это делают...

Что именно?

Пьют эту гадость.

Но вы же сами...

Я? Да Бог с тобой! Никогда! – отчеканил он в конце и ушел.

Я осторожно, боясь убедиться в правильности собственной догадки взялся за чек. Так оно и было: в нем не было «лонга». То есть в нем вообще ничего не было! Я оглядел зал. Набитый пьяными гостями, он теперь был единственной реальностью, от которой мне некуда было деться...

Следующие три мои смены старик не появлялся. Спрашивать о нем других я не стал. Я решил: пусть старик останется исключительно моей, пусть и «больной», тайной. Я чувствовал, что появление странного гостя как-то связано с Тихим и его смертью: уход одного и появление другого совпало не только по времени. Напитки они так же выбирали одинаковые. Старик, как и Тихий, обращался именно ко мне. Он шел ко мне, а не просто поесть или выпить. Старик сменил Тихого, внешне никак на него не походя, но было что-то другое, что их объединяло. На исходе третьего дня, увидев старика на входе, я подумал, что, может быть, он и есть Тихий, что он и Тихий – одно лицо. Я постарался как можно скорее отделаться от этой сумасшедшей

мысли, но она зависла где-то между мной и стойкой, и старик, подойдя, словно заметил ее и сказал небрежно:

– Ну, вот и девять дней прошли. Я не понял:

– Какие девять дней?

– А то ты не знаешь!

Я, наконец, сообразил и спросил в лоб:

– Вы знали Тихого?

– Тихого? О, еще как! А, вот, он меня по большому счету и не знал вовсе. А я его хорошо.

Можно сказать, «до косточки».

– Это как?

– Что как?

– Ну, вы его знали, а он вас нет?

– Чисто временные моменты. Вполне объективные... Ты-то уж должен понимать.

Я опять ничего не понял:

– Я? Что понимать?

Но старик закрыл тему:

– Греческий салат и «Камю». «Бордери». А, да, другого-то у вас и нет...

Я отошел к кассе, но в голове крутилось: «ты-то уж должен понимать»... Что я должен понимать? Что? И опять я следил за тем, как «Камю» исчезал в каком-то неведомом пространстве, так как в счете его не оказывалось, как старик оставлял на стойке вполне реальные деньги, и шел к двери совершенно босой, а Николай не обращал на это никакого внимания. Я совершенно вышел из себя и на этот раз решил пойти до конца: я выбежал следом и поначалу потерял старика из виду. Побежал наугад в ту сторону, куда уходил в свое время друг Тихого – он, кстати, так больше и не появился с того раза – нашел старика совсем рядом, на повороте. Поставив ногу на бордюр, он... завязывал шнурки на ботинках. Закончив, старик поправил джинсы, кривясь, разогнулся и, заметив меня, как мне показалось, совсем не удивился, но, видно для порядка, спросил:

– Ты чего?

– Так... Я хотел узнать...

– Что ты хотел узнать?

– Как вас зовут?

Он улыбнулся.

– Ты же знаешь.

– Я догадываюсь. Но я хочу, чтобы вы сами это сказали.

– Зачем?

– Я хочу, чтобы вы все объяснили.

– Я? Что я должен объяснять?

– Происходят странные вещи, и я...

– Ничего странного, – заявил старик и, прерывая разговор, двинулся в сторону бульвара.

Я догнал его. На языке вертелся вопрос. Старик, словно прочитав мои мысли, помог мне, буквально приказав:

– Ну, спрашивай!

– Как вас зовут?

– Павел...

Он помолчал и добавил то, что мог, наверное, уже и не добавлять:

– Павел Кирдяев.

В ответ я залепетал скороговоркой:

– Да? Вы тезка одного моего друга. Только я его назвал Тихий... Ну, прозвище такое...

Старик оборвал меня:

– Я не тетка.

Я остановился, а старик продолжил путь к бульвару, откуда неслась обычная для этого времени суток разноголосица мелодий и звуков. Снова догнал старика я уже на бульваре, едва не потеряв его след, что было для этого места немудрено – уже к девяти вечера здесь было почти не протолкнуться, а рядом с двумя памятниками – сидячим и стоячим – так и вовсе возникали пешеходные пробки. Старик, правда, не пошел ни к одному из них, а разместился где-то между, найдя место на краю одной из скамеек. На ней уже сидела одна очень странного вида компания. На эту странность, впрочем, я не сразу обратил внимания. Я был поглощен стариком и своим следующим к нему вопросом. Но, присмотревшись невольно к нашим сиюминутным соседям, сразу понял, что наблюдаю нечто совсем необычное. Средний возраст компании, к которой мы так запросто присоединились, был никак не меньше семидесяти: две старушки помоложе в окружении пяти дедов, одному из которых можно было дать и все девяносто. Но одеты все они были как тинэйджеры: джинсы, кепки, рубашки навыпуск, толстовки с жилетками. Старушки столь естественно балансировали на огромных платформах своих высоких шнурованных ботинок, а деды так умело двигались под рэперские мелодии, звучащие из включенных ими мобильных, что не создавалось впечатление маскарада. Нет, все они были как бы на своем месте. Изучая компанию, я невольно отвлекся от старика, но он и не собирался куда-то уходить, и, явно скучая, изучал окрестности. Я проследил за его взглядом и вскоре закружился на месте как волчок, на время начисто забыв о старике. Таких компаний, как наша, было много. Точнее сказать, почти всем находящимся в тот момент на бульваре было далеко за шестьдесят, и все были одеты и вели себя, как молодые люди. Все, все: панки, готы, эмо, подкрашенные элгэбэтешники и просто гопники – все они, покрытые сединой и морщинами, заполняли бульвар, ведя себя донельзя естественно, будто бы все так и должно быть. Седыми стариками были даже полицейские патрули... Правда, среди казавшейся бесконечной толпы молодых стариков встречались и действительно молодые люди, и даже дети. Я взглядом выдергивал их то тут, то там – они легко угадывались в толпе. На них почему-то были потертые пальто, обвисшие плащи, драповые кепки. Одна парочка лет двенадцати, едва шедшая под руку и в два костыля, прошла мимо меня, и я случайно поймал тусклый, уставший взгляд девочки, так не вязавшийся с ее гладким, без намека на морщины лицом...

Мотаясь по бульвару, я невольно удалился от старика, опомнился у стоячего памятника и спешно вернулся – вопросов к старику стало больше, намного больше. Но его не было на месте. Я покружился по бульвару и, конечно же, не нашел старика в пестрой толпе «перевертышей». Он исчез. Я побрел в сторону бара. Звуки высокой, солирующей скрипки догнали меня перед самым поворотом. Я остановился и прислушался, но так и не смог узнать мелодии, и вдруг подумал, что старик неслучайно привел меня на бульвар, он явно что-то хотел этим сказать. Но что? Посмотрев в сторону бара, я увидел Николая на входе. Люди проходили мимо него внутрь, не задерживаясь. Он устало, как после ночной смены, улыбался, и его улыбка, как и не узнаваемая мною мелодия, напомнила мне вкус «Камю Бордери», налитого лучшему другу в вечерних сумерках, в уставшую, ноябрьскую осень. Следом пришло яркое, как вспышка света при рождении, понимание того, что четвертого ноября на бульварной скамейке нашли уже остывшее за ночь тело молодого человека. Иней редкой сахарной пудрой покрывал его лицо и руки, сложенные на груди, – в ту ночь были первые заморозки. Сержант, старший наряда, пошарил по карманам и достал паспорт, определив по ходу:

– Замерз... Хотя нет, своим захлебнулся, – буркнул он, присмотревшись, и прочел, открыв вторую страницу:

– Бугаев Константин... 26 лет...

Колыбельная

Моя мама продала меня своей сестре за десять тысяч. Она так и сказала:

– Купи...

Это она так ответила на вопрос:

– Ну... Зачем пришла?

И сестра еще раз переспросила:

– Что купить?

И тогда мама ей все-все объяснила:

– Купи его у меня... Я недорого возьму... Ты хочешь ребенка... Но ты не можешь... Я знаю, у тебя не может быть детей... Ты, я слышала, хотела кого-то усыновлять... А мне Бог простит. Все простит. Он завещал прощать... Я же актриса... Мне другое нужно... Не дети... У меня свои дети... Я должна петь...

Тут уже я все должен объяснить. Мою маму звали Вера. А ее сестру – Вика. Но чаще, как я слышу, ее зовут Виктория Анатольевна. Десять тысяч были отданы, здесь все по-честному. Она – моя теперешняя мама, которая думает, что я ничего не знаю про маму Веру. А я знаю. Купила она меня где-то через час после того, как множество людей закричали вдруг ни с того ни с сего:

– Христос воскрес! Воистину воскрес!

И еще:

– Христос восресе! Воистину воскрес!

Это я сейчас знаю, что так кричат на Пасху, тогда же я очень-очень испугался и, прямо сказать, описался. Я и сейчас, когда сильно кричат, иногда это делаю, но тогда мама Вера ничего не заметила и пошла от того места прочь. Я летел рядом и не понимал, куда она идет. Я же еще не знал про маму Вику. Мне и был-то третий день, как я из мамы выбрался и летать начал. Странно, что я летел? А что странного? Дети, самые маленькие, ну, те, которых на руках носят, они умеют летать. Разве вы не знали? Это они просто лежат себе для видимости, а на самом деле летают, куда хотят. Это я сейчас летать перестал, потому что ходить научился. А тогда умел. Так вот я летел рядом и думал: куда она идет?

Только когда мама Вера остановилась у краснокирпичного дома и задумалась, я и влез ей в мысли – это дети тоже могут. И совсем не страшно! Раз – и все. Ты в чьей-то голове и все там видишь. И вот я обнаружил, что ключа у нее нет и не было. Да и номер квартиры она не знала. По прежнему адресу маме Вере указали только улицу и дом. Мама Вера еще и про меня подумала, мол, я того гляди закричу, и про куртку свою, мол, тертая, грязная, и про одеяльце, которое я описал, сами понимаете, нехорошо подумала. И про охрану подумала... Мама почему-то, по ее мнению, всего-всего должна была бояться. Так думая, мама Вера достала из кармана крашеное пасхальное яйцо – ей люди у церкви подали. Тут она про другую, третью маму подумала: «картинка на яйце пышная, яркая – Богоматерь, не то Донская, не то Владимирская. Да Бог с ней! Все одно – Богоматерь. Как и мама сама. Только Той теперь все рады. Она будет пропуском...»

Точь-в-точь вот так мама и думала. Может, после этих мыслей и еще что-то было, но я уже не помню. Мама Вера подошла к двери и вызвала охрану. Дверь открылась. И в проем просунулась морда. Большая-пребольшая. И спросила:

– Чего тебе?

Мама Вера ответила, как те дяди и тети у церкви:

– Христос воскрес!

И протянула яйцо. Морда взяла яйцо и ответила, так же, как те дяди и тети у церкви:

– Воистину воскрес!

Мама Вера обрадовалась – это я по глазам ее увидел. Я к тому времени из головы-то ее вылетел:

– Сестра моя тут. Я код забыла.

– Квартира?

– Не знаю. То есть забыла... Виктория Иванова.

Я тогда подлетел и на плечо морде сел, чтобы лучше видно было, и заметил, как яйцо застыло в его пальцах, картинкой кверху, хрустнула скорлупка, продавилась ямочка и дальше канавкой пошла. Морда потянула носом, припомнила, кто в доме живет, и прищурилась, как от яркого света.

– Верно. Есть такая... Не спит, может... Пасха же...

Прижавшись к косяку, мама Вера слушала разговор в конторке. Я, понятное дело, там и летал. Маленькая такая комнатка. И как морда в ней поместилась, до сих пор не пойму! Морда тогда говорила с мамой Викой – это я сейчас ее мамой зову, а тогда я еще не знал, что это за тетя такая:

– Виктория Анатольевна, извините за поздний час, но тут вроде как сестра ваша. Пустить? А... Ну, она с ребенком вообще-то... Как с каким ребенком? Мелкий, на руках еще... Да, хорошо, пускаю... Проходи...

Мама Вера юркнула в проем. Тут вторично всхлипнула скорлупка. Я прямо задержался, чтобы посмотреть. Раздалась канавка в ширину. Пробежала морда глазами по улице, щекой дернула, причмокнула, закрыла дверь. Ойкнул замок. Дрожь по металлу прокралась и затихла. Ну, я и полетел дальше, в лифт.

В лифте с зеркалами мама Вера терла опухшие щеки и шептала, закрыв глаза, мне вроде бы – но получалось, как себе самой:

– Баю-баюшки-баю, не ложись на краю...

Волосы ее были спутаны во взъерошенный котом клубок. Глаза подведены. Так клоуны красятся. Только тут было совсем не весело. Ну, совсем. Помню, как мама Вера вдруг открыла глаза и себя в зеркале увидела. Носом потянула, засопела, утерлась ладонью. Погладила поручень, вытирая руку, откинула волосы с лица, отвернулась в зеркало. А там, нет, все одно – она, какая есть... И опять мама зашептала едва слышно:

– Придет серенький волчок, он укусит за бочок...

Только на третьем звонке мама Вика открыла дверь. Мама Вера испугалась, словно говорить разучилась:

– Вика... Я к тебе... пришла... Я...

И замолчала совсем. Оно и понятно. Я на маму Вику в упор смотрел. Прямо так и подлетел к лицу – интересно же, какая она, эта новая тетя. Не рада она была. Дураку понятно. Верно, если бы не я в одеяле, так и стояла бы мама Вера на пороге. Теперь же мама Вика помедлила, но протянула, прямо как кисель из кружки:

– Ну-у-у, проходи...

Потом она пристально смотрела, как мама Вера, придерживая меня одной рукой, другой стягивала ботинки. На втором ботинке я еще раз описался. Мама Вера подхватила меня двумя руками, зачмокала, зашептала:

– Придет серенький волчок...

И шепча, не глядя, сбросила ботинок. Ногами подвинула его к стене. Мама Вика смотрела на всё, заложив руки за спину. И не моргала совсем. Так и прошла мимо, чуть-чуть на меня не налетела! Мама Вера поплелась следом. А я летел, и картины на стенах разглядывал. Мама Вера тоже косилась на них. Сейчас я знаю, почему. Это бабушка с дедушкой рисовали. Они художники были. Жили долго и счастливо и умерли в один день, как в сказке. Их сбила большая машина на пешеходном переходе. Они шли как маленькие – за ручки держались. А шли бы порознь, может, и жив бы кто остался. А так раз – и вот оно – счастье... Это так мама Вика

говорила одному дяде в очках. Молодому, много моложе ее. Он как-то был у нас и остался у мамы в комнате на всю ночь. Я все слышал, хоть они и шептались. Я уже летать не могу, поэтому за дверью стоял и слушал. Но они мало говорили, совсем мало, больше вздыхали и охали, как бежали куда-то...

А тогда я влетел в зал-кухню. Просторно, светло, как и сейчас. Солнечные зайчики от люстры на кожаной мебели. Мама Вера осталась на входе, как на границе. Мама Вика у стойки хлопала над стаканом пластиковой бутылкой – она и сейчас ту же воду пьет. Заметила, что мама Вера остановилась, она приказала:

– Что стоишь? Проходи, садись.

И кивнула головой на диван и кресла. Мама Вера прошла крадучись и присела на край дивана. Мама Вика упала в кресло напротив. Я едва-едва отлететь успел. Я сам там было улегся на солнечном, то есть «лампочном» зайчике. Мама Вика сделала не спеша пару глотков, повертела стакан в руках и, тем же киселем из кружки, спросила:

– Ну-у-у... Зачем пришла?

Ну и потом мама Вера ей ответила, а мама Вика ее спросила, ну, я говорил уже, как и чего, в самом начале. Я не сказал тогда, что руки мамы Веры тряслись судорогой. Она пыталась сама их унять. Не вышло. Мама Вика дернула лицом – она и сейчас так дергает, когда ругается – встала рывком и к стойке ушла. Взяла из шкафа стакан и бутылку. Налила на дно. А потом, стоя над мамой Верой, наблюдала, как та пьет. Я тоже подлетел – интересно же! Но не успела мама Вера допить до конца, осталась пара капель, – мама Вика забрала стакан и отнесла обратно. Потом опять в кресло села. Пила воду и молчала. Пока мама Вера не сказала вдруг:

– Я же петь хочу... Мне бы... Записать пару песен... Я же... Ты же знаешь, как я могу... Я...

Мама Вика тогда поставила недопитый стакан на столик, но руки, я помню, не отняла, так и держала стакан, словно раздавить его хотела. А сказала она вот что:

– Не простит он тебя. Да и некому прощать. Привыкли вот такие, как ты, на Бога сваливать. Нашли себе оправдание... Нет его... твоего Бога! Есть только мы – и все... Дело не в том, веришь ты или не веришь, дело в том, что ты делаешь. Здесь и сейчас. Вот скажи мне, что и кому оно дало это твое пение? И твоя игра? Твой Бог? Театр? Кино? Искусство? Духовные материи? Я – актриса! Со мной разговаривает небо! Я слышу Высший разум! Грязная алколичка – вот ты кто!

Замолкла на этом и вдруг так сразу спросила:

– Сколько?

Мама Вера вспыхнула, прямо, как ветка в костре:

– Сто...

Я уже большой и знаю числа, как раз на прошлой неделе узнал, что такое сто, и я понимаю, что сто больше десяти в десять раз. Как же так получилось, что мама Вера хотела сто, а получила всего десять? А вот как! Когда мама Вика услышала эту цифру, она быстро допила воду и ушла к стойке. Повертела бутылку, из которой наливала в стакан мамы Веры, и поставила ее в шкаф. Помню, как мама Вера сжала губы, а пальцами вцепилась в черную кожаную обивку дивана. Мне показалось, что она сейчас ее разорвет, так сильно она в нее впилась. Но мама Вика приказала ей:

– Диван не рви.

Она уже стояла над мамой Верой – я и сам не помню, как она так быстро подошла – и еще раз, это уже про меня, приказала:

– Покажи...

Мама Вера раскрыла одеяло, а мама Вика взяла меня. Мне показалось, что она при первом взгляде сморщилась как-то и держала меня кончиками пальцев, будто я весь испачканный был. Оно и верно, я же два раза описался. Мама Вика долго, прямо, как девчонка куклу, вер-

тела меня, так и сяк. А я летал вокруг – самому было интересно: какой я? Я плакал, конечно, разрывался, а ей хоть бы что. Наконец, она положила меня на место, сказав маме Вике:

– Успокой...

И мама Вера, прямо так же, как у ограды, ну, где я первый раз описался, зашептала мне на ухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.